
2. Историческая биография в символическом пространстве

Код ВАК 07.00.03

Св. Х. Глушкова

Ш.-М. ТАЛЕЙРАН И РЕСТАВРАЦИЯ БУРБОНОВ В 1814 Г.

В статье анализируются обстоятельства первой реставрации Бурбонов во Франции. Автор указывает на то, что в 1814 г. Бурбоны не были знакомы большинству французов и они не пользовались уважением в среде союзников, победителей Наполеона. В этой ситуации ключевой фигурой оказался Ш.-М. Талейран, который аргументировал теоретически и сумел осуществить на практике реставрацию старой династии. Он оказался единственным высшим функционером в Париже, которого Александр I и союзники знали хорошо; его позиция и деятельность сыграли ключевую роль в возвращении Бурбонов на французский престол.

Ключевые слова: Франция; Первая реставрация Бурбонов; Ш.-М. Талейран; Людовик XVIII.

Монтаньяры верили, что после казни Людовика XVI на гильотине Франция окончательно рассталась с властью королей. Для них приговор королю в начале 1793 г. означал укрепление республики. В своем выступлении перед Конвентом Б. Барер заявил: «Республики рождаются только в усилиях; уничтожив веру в божественную природу королевской власти, мы должны быть готовы к борьбе с европейскими правительствами»³⁸⁵. Нотабли, установившие консервативную республику в годы Конвента и Директории, также были убеждены, что сохранение приобретений революции несовместимо с реставрацией монархии. Адвокат из Дуэ Филипп Мерлен, являющийся в 1794 г. президентом Конвента, говорил членам польской делегации: «Король, даже закованный в цепи,

Глушкова Светла Христова, ассистент кафедры новой и новейшей истории Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Республика Болгария, 5 003, г. Велико-Тырново, ул. им. Теодосия Тырновского 2).

Glushkova Svetla, assistant of the Department of Modern and Current History of St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria, 5003, Veliko Turnovo, T. Turnovski Street, 2).

Телефон/Phone: +7 (00-359-62) 62-80-25. Электронная почта/E-mail: svetelushkova@abv.bg.

³⁸⁵ Событь 1974: 34.

является угрозой для свободы, и поэтому, так как тигров и леопардов никоим образом нельзя приручить, то любой, кто прощает им, есть враг человеческому роду»³⁸⁶.

В годы Первой республики буржуа сместили аристократов в государственных и общественных институтах. В результате эмиграции или арестов исчезла старая аристократия, связанная с льготами и феодальными правами. Профессор Ж. Тюлар нотаблями называет тех разбогатевших буржуа, которые при помощи сделок на грани закона, рискованных финансовых операций, поставками армии и покупками национального имущества сколотили состояния сомнительного происхождения. Этот известный исследователь Революции и Империи считает нотаблями также тех аристократов, которым удалось избежать якобинского террора и конфискации, и которые также разбогатели на покупке крестьянами земель. Они были благодетельствованы успешными войнами Бонапарта, открывшими им новые рынки и защитившими от конкуренции англичан; они зарабатывали на стабильных арендных платежах и мечтали только об общественной безопасности и прочной защите своей частной собственности³⁸⁷.

Именно такие гарантии давали организаторы военного переворота 18 брюмера и три консула, пришедшие в его результате к власти. Только они были в состоянии восстановить общественный порядок и удовлетворить ожидания «нации». В те дни создавалась иллюзия того, что Консульство представляет собой коллегиальную власть. Это был первый вариант легитимности власти Бонапарта, которую некоторые авторы называют «физической», другие – «материальной». Но оказалась хрупкой, так как была подчинена конъюнктуре. Этот вариант организации власти функционировал примерно до избрания генерала Бонапарта пожизненным консулом. Эта власть гарантировала мир со всеми соседями, устанавливала религиозную терпимость, стимулировала экономику, восстанавливала всеобщее избирательное право, которому был придан фиктивный характер. Подобные нововведения дали основание Бонапарту обосновать законность своей власти формулой «суверенитет принадлежит французскому народу в том смысле, что все, без исключений, должно быть сделано для его счастья и славы»³⁸⁸.

³⁸⁶ Филипп Антуан, пазывавшийся Мерлен Дурэ, проголосовал за смертную казнь короля Людовика XVI. Он являлся автором закона о подозрительных от 17 сентября 1793 г., членом Директории, главным прокурором Империи, а после реставрации Бурбонов в 1830 г. – иммигрант (Tulard, Fayard, Fierro 1987: 982–983; Jessenne 2011: 241).

³⁸⁷ Tulard 1985: 214; Soboul 1983: 424–432.

³⁸⁸ Lenz 1987: 187–188.

Бонапарт понимал, что таким постулатом нельзя долго обосновывать свою власть, поэтому он поддерживал ее ссылками на суверенитет народа при помощи плебисцитов 1802 и 1804 гг. По его мнению, эти плебисциты представляли собой важное средство выявления желаний нации о том, кому и в какой форме следует предоставить правление. Известно, что в этих плебисцитах правом голоса обладал только определенный круг граждан, а их результаты подвергались грубым манипуляциям. Указанный факт дал основание французскому историку Ф. Блюшу сделать категорическое обобщение: «Бонапарт стал единственным представителем народа, но народа, на самом деле лишенного суверенитета и содействовавшего своему собственному ограблению»³⁸⁹. Провозглашая Первую империю в 1804 г., Наполеон призвал «к договору» между им самим и нацией, что означало новую форму легитимности, ничем не отличающуюся от легитимности «старого режима».

Он стал императором «благодаря Богу». В присутствии папы и с рукой на Евангелии он прочитал торжественную присягу: «Клянусь охранять целостность территории Республики..., управлять единственно в интересах, на счастье и славу французского народа»³⁹⁰. Объективно он легитимировал свою власть тремя формами одновременно: силой, как это происходит при диктаторских режимах, благоволением Бога, как принято в традиционных монархиях, и, наконец, суверенитетом нации. В конце 1808 г. Наполеон получил возможность объявить публично свое представление о собственной легитимности после того, как его супруга Жозефина наивно заявила депутатам: «Мы пришли к выводу, что Законодательный корпус представляет нацию». Несколько дней спустя офизиозная газета «Монитор» опровергла ее анонимной статьей: «Первым представителем Нации является Император, так как его власть происходит от Бога и Нации». Всем было ясно, кто автор статьи³⁹¹. Агония Республики и объявление Империи стали завершением эволюции, прикрываемой политической фразологией. Лишь с 1809 г. термин «Республика» уже отсутствует на монетах.

Надежда Наполеона на то, что с рождением у него сына будет создана новая династия, оказалась иллюзорной. Он привлек аристократов к управлению и облегчил их примирение с управлением нотаблей, но для Европы и ее владетелей он оставался олицетворением революции, хотя и с

³⁸⁹ «После возобновления войны в 1803 г. и провозглашения империи в 1804 г. государственная система Наполеона никогда не могла полностью стабилизироваться, однако он сам был настойчив в продвижении в сторону сильного монархического деспотизма», утверждал профессор А. Собуль (Soboul 1983: 69; Lenz 1987: 187).

³⁹⁰ Собуль 1974: 358; Auger, Garnier, Rollin 2008: 126; Bluche 1980; Soboul 1983: 50.

³⁹¹ Lenz 1987: 188.

короной. Французский император писал императору Австрии, являющемуся его тестем, «Mon cher Frere et Beau-Pere», но сам понимал, что для старой Европы он – узурпатор. Создавалось впечатление, что Наполеон сильной рукой властвует над 130 департаментами и над огромной Империей, но после попытки переворота, осуществленной генералом К.-Ф. Мале, стало ясно, насколько хрупок и ненадежен весь этот фасад институтов. Когда президент трибунала спрашивал арестованного генерала Мале: «Кто Ваши соучастники?», тот ответил: «Все, даже Вы, если бы мне удалось»³⁹². У генерала Мале были полные основания утверждать это, так как разочарование, усталость и недовольство длительными войнами уже овладели нацией. После Ваграма Наполеон перестал собственно говоря служить Франции, потерял чувство меры и начал исключительно предаваться только своим амбициям побеждать. Для того чтобы укреплять систему институтов, им созданных, ему теперь безостановочно были нужны победы, и он к ним «пристрастился».

Франция воевала беспрерывно более 10 лет – с 20 мая 1803 г. до начала апреля 1814 г. Длительные войны угрожали и достижениям революции: равенству граждан перед законом, религиозной терпимости, человеческим свободам, и свергли монархический режим в полосу тяжелых испытаний. Континентальная блокада становится нестерпимой для Европы, а сама Франция не смогла бы теперь на длительный период оставаться одновременно и великой военной, и индустриальной державой. Кризис 1810 г. привел к значительному повышению налогов, оттолкнул от режима Наполеона целые общественные группы, и реставрация монархии многим казалась обещанием мира, равновесия и порядка. С начала 1814 г. усталость нации была уже хорошо заметна; она выражалась в массовом уклонении юношей от призыва в армию, оппозиции католиков из-за унижения папы, в усилившейся роялистской агитации в южной Франции, в увеличивающейся безработице. Нация больше не могла рассчитывать на военный гений императора.

«Весной 1813 года. – пишет в своем объемном труде Франсуа Фюре, – стало понятно, что между Наполеоном и Европой не существует ни малейшей возможности воображаемого компромисса. Наполеон не смог бы управлять, даже во Франции, без новой победы; за пределами Франции ни Европа королей, ни Европа народов не хотели бы даже незначительных территориальных изменений. Вот почему австрийское посредничество, предлагавшее возвращение к Люневильскому договору, не имело шансов на успех ни у одной стороны, ни у другой стороны...»³⁹³ Победы Наполеона стали уже не столь убедительными, как прежде, его армии все

³⁹² Furet 1988: 264; Chevallier, Conac 1991: 99.

³⁹³ Furet 1988: 266.

чаще отступали, а он продолжал настаивать на границах 1812 г., которые союзники не только не принимали, но и при каждом продвижении к Парижу увеличивали свои претензии и отказывались от идеи о естественных границах Франции – реке Рейну, Альпам и Пиренеям³⁹⁴. Наполеон чересчур надеялся на Национальную гвардию, задумывал вооружить крестьян на восточной границе, но маршалы один за другим стали изменять ему, расценивая дальнейшее сопротивление как авантюру.

Роялисты не признавали претензии Наполеона на легитимность основательными. Для них его деспотический режим представлял личное творение, без какой бы то ни было исторической традиции, основанной на произволе и амбициях одного человека³⁹⁵. Не хватало легитимности и его братьям – Луи (Людовику) в Голландии, Жозефу (Хосе, Иосифу) в Испании, Жерому в Вестфалии, а также его сестре и ее супругу Мюрату в Неаполе. Курьезен тот факт, что, начиная с 1807 г., одним из самых отъявленных противников Наполеона был министр иностранных дел Талейран. Они вдвоем – император и министр иностранных дел – задумали и успешно осуществили несколько крупных инициатив: экспедицию в Египет, переворот 18 брюмера и устранение Консульства, конкордат с папой, провозглашение Первой империи. Наполеон и Талейран встречались почти каждый день, обсуждали шкотливые миссии, условия мирных переговоров, вместе обговаривали продажу Луизианы США. После крупных побед под Аустерлицем и Йеной Талейран разработал мирную программу, основывающуюся на возможном союзе с Австрией и осуществимую великодушием и умеренностью.

С этого момента в отношениях между Наполеоном и Талейраном началось охлаждение, приведшее в 1807 г. к отставке последнего. Подчеркнуто льстивыми фразами и письменными декларациями он пытался убедить Наполеона в том, что длительные и беспрестанные войны истощают ресурсы нации и обостряют отношения Парижа с крупными европейскими государствами. «Если я начинаю говорить о сдержанности, он всегда подозревает меня в измене», – признавался Талейран в приватном разговоре. И он сознательно пошел на измену – на встрече в Эрфурте в сентябре 1808 г. он начал настраивать изумленного российского императора против Наполеона и за солидную плату стал передавать сведения российской дипломатии. Таким же образом талантливый бывший министр поставил себя в услужение и австрийцам. Талейран не одобрял военный переворот генерала Мале и его намерение свергнуть империю. Но

³⁹⁴ Во время мирных переговоров летом 1813 г. в Праге союзники дали согласие на возвращение Франции к естественным границам, но затем в Шатийонс стали настаивать на возвращении к границам 1792 г. (Внешняя политика 1970: 343–344; 569; Villepin 2008).

³⁹⁵ Furet 1988: 264; Bertaud 2009.

доверенным единомышленникам он категорически заявлял: «Убрать Наполеона. Не важно, каким образом. Этот человек уже не может принести никакой пользы... Пришло время от него избавиться!»³⁹⁶

Наполеон подозревая Талейрана в том, что он строит интриги, предупреждал Марию-Луизу, чтобы она не доверяла ему и жалел, что не взял его со своим штабом в Россию. На одной из встреч с талейраном император предупредил его: «Если я даже смертельно заболею, то Вы умерете раньше меня», на что Талейран хладнокровно заверил: «...Сир, я не нуждался в Вашем предупреждении, чтобы молить Небеса за здоровье Вашего Величества». Коварный великий вице-электор знал, что у него в распоряжении всего два средства противодействия против могучего императора – притворство и хитрость. Он постоянно льстил ему, на приеме унижался и целовал ему руку, написал ему угодническое письмо, продолжая тем временем тайно предоставлять информацию Австрии и России³⁹⁷. Талейран усердно работал на поражение Наполеона в надежде, что сможет предотвратить катастрофу Франции. Вынужденный силой обстоятельств, 18 ноября 1813 года Наполеон пригласил Талейрана вновь занять пост министра иностранных дел, но тот не согласился. В своих воспоминаниях Талейран писал себе в оправдание так: «Зачем спасать человека, от которого Франция хочет избавиться?»³⁹⁸

Талейран обладал талантом оценивать трезво развитие событий, и после «битвы народов» под Лейпцигом он констатировал, что Наполеон уже одинокий «кораблекрушениц», находящийся в изоляции и без реальных перспектив на спасение. Привыкший к активному участию в политической жизни Франции на протяжении четверти века, он лихорадочно продолжал искать возможные варианты свержения императора и был уверен, что корсиканец сам ускорит свою гибель. В своих воспоминаниях он писал: «Наполеон сам заговорничал против самого себя, и я могу доказать истинную точность данного факта, так как достоверно, что до последней минуты, предшествующей его гибели, только от него зависело его спасение... Он мог сделать это в 1812 г., заключив общий мир, который консолидировал бы навсегда его могущество; в 1813 г. в Праге он мог бы получить условия, пусть и не такие замечательные, как в 1812 г., но по крайней мере вполне приемлемые; и даже в конце, на

³⁹⁶ Лодей 2009: 339.

³⁹⁷ Лодей 2009: 339. 15 сентября 1810 г. Талейран просил у русского царя передать ему 1,5 млн франков. Александр сохранил это письмо, но не заплатил требуемой суммы на том основании, что она останется конфиденциальной (Лодей 2009: 323-324). «Мне крайне нужны 1,5 млн франков, и очень важно получить их в поспехе», – говорилось в письме. Он хотел также получить 400 тыс. франков от австрийцев, которые также не оказались столь щедрыми (Борисов 1989: 246-242).

³⁹⁸ Mémoires 2007: 412.

Шатильонском конгрессе в 1814 г., если бы он сумел сделать уместные уступки, он смог бы обеспечить достойный мир для Франции...»³⁹⁹ Эти слова достаточно точно отражают реальную ситуацию, и с ними нельзя не согласиться.

С поздней осени 1813 г. Талейран все чаще считает разумным содействовать возвращению Бурбонов на трон. В отношении подобного плане его усердно уговаривали роялисты, связанные с нелегальной католической организацией «Рыцари веры» (Chevaliers de la foi), поставившей себе целью реставрацию монархии. Организация была создана в 1810 г. сторонниками Бурбонов, считавшими, что революция 1789 г. была результатом заговора масонов. Чтобы восстановить королевскую власть, они договорились пользоваться аналогичными средствами. Конспиративный характер указанной структуры, ее изолированность и запрет, наложенный на ее членов не пользоваться какими бы то ни было печатными текстами, не дают возможности оценить реально ее роль в реставрации Бурбонов. Влияние этих «рыцарей» ощущалось только в Бордо, Тулузе и Париже, и заключалось в распространении слухов о неудачах на фронтах, о кризисе и унижении папы. Самой значимой ее акцией осталось объявление в Бордо 12 марта 1814 г. Франции монархией, что произвело впечатление на министра иностранных дел Австрии К. Меттерниха и английского фельдмаршала А. Уэлсли, герцога Веллингтона Уелесли⁴⁰⁰.

Талейран долгое время относился скептически к реставрации Бурбонов, и у него были совершенно личные причины для такого поведения. В годы Консульства он сознательно настраивал Бонапарта против Бурбонов, и ему принадлежала решающая роль в том, что их родственник герцог Энгисский был приговорен к смерти. П. Баррас, один из влиятельных директоров до 1799 г., обвинял его в желании прочно рассорить первого консула и Бурбонов, проложив «крававую реку между ними». Такого мнения придерживался и Стендаль, который писал: «Талейран без усталости внушал Наполеону, что тот может быть спокойным за свою династию только после уничтожения Бурбонов»⁴⁰¹. С тех пор прошло десять лет, французское общество забыло о старой династии, а прямолинейность никогда не была приемлемым подходом при принятии решений Талейраном. Для него самым значимым обстоятельством было то, что Бурбоны уже забыты и незнакомы для Франции, и поэтому следовало бы очень умело мотивировать необходимость их возвращения на французский трон. Печальные решения последнего совета регентов,

³⁹⁹ Ibid: 414.

⁴⁰⁰ Sauvigny Berthier 1987: 435-436.

⁴⁰¹ Манфред 1978: 184.

проведенного 28 марта при участии Талейрана в качестве великого вице-электора, подтолкнули его поспешить. Отъезд императорской семьи отразился негативным образом на моральном духе парижан, и столица оказалась практически незащищенной от союзников⁴⁰².

Ощувив реальную возможность вновь оказаться в центре политических событий, Талейран обдумывал варианты будущего Франции без Наполеона. Идею об естественных и защитимых границах страны он сформулировал еще в 1808 г. во время своих тайных встреч с русским царем в Эрфурте. Бывший министр иностранных дел рассматривал эти границы как результат завоеваний французского народа, а все присоединенные во время Первой империи провинции – как дело Наполеона, на нерушимости которых Франция не настаивает. Такую концепцию позже он отстаивал на Венском конгрессе, а впоследствии – и на других международных форумах. Выяснив для себя проблему национальной территории, Талейран занялся намного более сложным казусом – обоснованием перед нацией, иностранными владельцами и Европой необходимости в легальной замене деспотического режима императора. В своих воспоминаниях он считал нужным опровергнуть обвинения в том, что заговорничал против него, и исповедовался: «Я любил Наполеона, даже чувствовал привязанность к его личности, несмотря на его недостатки; в начале его возвышения я чувствовал себя привлеченным к нему той непреодолимой обаятельностью, которой великий гений обладает, его благодеяния вызывали во мне искреннюю признательность. Зачем бояться признания?»⁴⁰³

Великий вице-электор Первой империи заявлял, что служил императору «просвещенной преданностью» (*dévouement éclairé*). Потом, однако, начался разрыв. «В ту эпоху, когда он умел выслушивать правду, я ее ему лояльно высказывал. Я говорил ему правду даже позже, когда надо было прибегать к особым мерам, чтобы она до него дошла; немилость, которой я заплатил за свою откровенность, дает мне оправдание перед собственной совестью в том, что я отстранился сначала от его политики, а затем, когда он уже стал представлять опасность для судеб моего отечества, и от него лично». Для Талейрана Первая империя не могла бы существовать далее, так как могла бы превратить Францию в арену анархии. Он стал категорическим противником не только Наполеона, который, по его словам, «толкает Францию в пропасть», но настаивал и на устранении от трона

⁴⁰² Jessenne 2011: 236; Furet 1988: 276. 30 марта 1814 г. Талейран встретился с маршалом Мармоном. Есть авторы, которые утверждают, что тогда и была подготовлена измена (Борисов 1989: 260).

⁴⁰³ Mémoires 2007: 414.

членов его семьи. По-видимому, следовало искать иные варианты приемлемые как для нации, так и для Европы.

От великой герцогини Стефании Баденской Талейран узнал о амбициях маршала Ж.-Б. Бернадота, с 1810 г. Ставшего кронпринцем Швеции, занять французский престол, а также о намерениях русского царя в отношении Евгения Богарне, сына Жозефины от первого брака. По Парижу прошел слух, что Жозеф Фуше плетет нити заговора с сестрой Наполеона Каролиной и ее супругом маршалом И. Мюратом, королем Неаполя. Для Талейрана все эти кандидатуры были неприемлемы: если дать шанс Бернадоту, в качестве шведского престолонаследника принявшему имя Карла Юхана, означало вовлечь страну в новый виток революции. Евгений мог бы получить поддержку армии, но она теперь была повержена. У родственника Бурбонов Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, в то время было не много сторонников во Франции, но он все же популярнее Людовика XVIII. Часть французов опасалась, что он станет узурпатором, как и Наполеон; для других на его отца лежала серьезная вина в девальвашии идеи равенства в годы революции⁴⁰⁴. Эти свои выводы Талейран обосновал на своей первой встрече с Александром, чтобы убедить его в том, что самый приемлемый вариант нового режима – реставрация Бурбонов.

Обдумывая проблемы преемственности, Талейран исключил возможность узурпации власти. Для него важнейшим требованием к новому правлению был его легитимный характер, так как только законность, по его мнению, давала право на власть. Приступая к теоретическому обоснованию перехода, он сформулировал классические концепции легитимности в управлении, свидетельствующие о его гениальности. В своих воспоминаниях он писал: «Главная потребность Европы, ее основной интерес состоит в том, чтобы устранить доктрины узурпации и восстановить принцип легитимности, как единственное средство лечения от всех бед»⁴⁰⁵. Логика его утверждений обладала четкой ориентацией: если корона узурпирована и нарушен принцип легитимности, корону нужно вернуть тому, кому она принадлежит, или его наследникам. «Монархическое управление в большей степени, чем любой другой режим, – констатировал Талейран, – гарантирует сохранение и вечность государства».

⁴⁰⁴ Отец Луи-Филиппа Иосиф, называемый Филипп Эгалите (1747-1793), был прямым потомком брата Короля-Солнце. Он наследовал большое состояние и стал одним из самых богатых людей во Франции. Он был депутатом Генеральных штатов и, не колеблясь, голосовал за смертный приговор в отношении своего двоюродного брата. Этот жест вызвал неодобрение якобинцев, особенно Робеспьера, который посчитал его демagogом. Гильотинирован во время террора (Tulard, Fayard, Fierro 1987: 1010-1011).

⁴⁰⁵ Mémoires 2007: 426.

Специалисты по конституционному праву считают его определение законности в системе государственного управления хорошо аргументированным. Имея в виду легитимность, Талейран заявляет: «Этот принцип... единственное средство сохранения могущества королей и их физической безопасности: он, в первую очередь, необходимый элемент спокойствия и счастья народов, прочная гарантия, или, вернее, единственная, их силы и их долговечности. Легитимность королевской власти, или, лучше сказать, правительства, представляет защитный оплот для народов, почему она и должна быть священна. Во избежание сомнений в узурпации, необходимо, чтобы у легитимного управления была своя история». «Я имею в виду легитимность власти вообще, – утверждал Талейран, – любую ее форму, а не только власть королей... Легитимным управлением, будь оно монархическим или республиканским, наследственным или выборным, аристократическим или демократическим, всегда является то, чье существование, форма и методы действия консолидированы и освещены длительной преемственностью во времени и, добавлю, вековым предписанием. Легитимность верховной власти происходит из старинной длительности притяжения»⁴⁰⁶.

С учетом всех этих моментов, по мнению Талейрана, у регентства Марии-Луизы не было ни исторических, ни законных оснований. Сдержанная от природы, изолированная в узком кругу придворных дам, императрица не проявляла ни сильного характера, ни политических амбиций. Идею регентства поддерживала только Австрия, которая включилась в коалицию против Наполеона относительно поздно и у которой не было достаточно сильных позиций, чтобы утвердить его. Этот факт дал Талейрану основание заявить, что лучше всего, чтобы на трон вернулись Бурбоны, и была бы создана конституционная монархия по английскому образцу. Будучи достаточно убедительным, он ссылался на Н. Макиавелли, чтобы убедить, что игнорирование легитимности приведет к гражданской войне. «В зависимости от вида управления нарушение принципа легитимности может привести к различному эффекту. В наследственной монархии этот принцип неразрывно связан с личностью членов управляющей династии; для нее он может исчезнуть только со смертью всех ее членов. Вот почему Макиавелли в своей книге «Князь» утверждает: «Узурпатор не смог бы утвердить надежно свое могущество, если бы он не отнял жизни всех членов династии, управляющей законом». Именно поэтому Революция хотела кровь всех Бурбонов...»⁴⁰⁷.

Логично поставить вопрос: кому Бурбоны были обязаны своим возвращением на трон? В любом случае, не самим себе и не проявленной

⁴⁰⁶ Mémoires 2007: 427.

⁴⁰⁷ Ibidem; Борисов 1989: 259.

пассивности в начале 1814 г. Незнакомые огромному большинству французов, члены королевской семьи не пользовались и уважением в среде союзников. Когда войска союзников ворвались на французскую территорию, растолстевший и больной подагрой Людовик XVIII продолжал жить в Англии. Его брат граф д'Артуа приехал в Швейцарию, пытаясь установить контакт с владельцами, но получил от них холодные ответы. Во время своей секретной миссии в марте 1814 г., осуществленной по идее Талейрана, барон де Витроль, секретарь Королевского совета, встретился с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом, от которого узнал, что союзники хотят другого владельца во Франции, и что невозможно думать в этом плане о Бурбонах из-за личности принцев этой семьи⁴⁰⁸.

Де Витроль был преданным Бурбонам роялистом, поэтому настоятельно умолял влиятельного русского дипломата К.В. Нессельроде организовать ему встречу с Александром I. Встреча состоялась 17 марта. Русский царь изложил ему то же мнение и заявил о намерении провести консультации о желании самих французов, не исключая возможности учреждения консервативной республики. «Император обосновывает подробнее, чем министры, невозможность думать о Бурбонах», – писал в своих воспоминаниях Талейран, узнав подробности встречи лично от своего посланца де Витроля. Австрийский император Франц ограничился лишь уведомлением о том, что уезжает в Дижон и предоставляет решение данной проблемы русскому царю и королю Пруссии. Меттерниху тоже не удалось вмешаться, так как он был озабочен скорее личной безопасностью императрицы Марии-Луизы и ее сына. Вопрос о власти и сущности политического режима решался не французами, а союзниками, среди которых не было единодушия, они оставались разьединенными, соблюдая собственные интересы. «Не отступая от своих либеральных идей, Александр вступил в Париж без четкого представления о том, кто мог бы заменить Наполеона», – констатирует французский историк Франсуа Фюре⁴⁰⁹. Удачный и точный ответ нашел Ф.З. де Шатобриан: «Настоящей силой, вернувшей ему скипетр, была непоколебимая вера Людовика XVIII в свой титул».

И все же решение было принято в Париже. Единственным сильным аргументом королевской семьи было то, что она «существует» и «в распоряжении». Сына графа д'Артуа, герцога Ангулемского, одетого в английскую форму, встретили в Бордо вместе с армией Веллингтона акламациями. Но этого было недостаточно. Тот факт, что Наполеон побежден, вовсе не означал, что именно Бурбоны вернутся на престол.

⁴⁰⁸ Mémoires 2007: 422; Ardisson 1986: 109–111. Автор этой монографии обнаруживает явную симпатию к монархии. Он пишет, что «[Никто во Франции не знал, кто такой Людовик XVIII».

⁴⁰⁹ Черкасов 1991: 282; Furet 1988: 273.

Однако в Париже у них был авторитетный и ловкий союзник, который аргументировал теоретически и сумел осуществить на практике реставрацию старой династии. В одном из своих докладов в качестве австрийского посла в Париже Меттерних сообщал в Вену в 1809 г.: «Талейран не будет провоцировать катастрофу, но обеими руками ухватится за нее, как только она возникнет». Пять лет спустя эта констатация оказалась удивительно точной. Каузе Бурбонов в некоторой степени способствовала также военная обстановка. Талейран оказался единственным высшим функционером в Париже, которого союзники знали хорошо. Он тайно снабжал информацией и Нессельроде, и Меттерниха, провел много встреч во время их пребывания дипломатами в Париже, поощрял их противодействовать Наполеону, и при этом его услуги шпиона крупнейшего масштаба щедро оплачивались. В дипломатической корреспонденции России и Австрии, поступившей из Парижа, сохранились десятки писем, подписанных его кодовыми инициалами. Позже он заявлял, что таким образом он служил французским интересам.

Рано утром 31 марта 1814 г. в сопровождении только одного казака Нессельроде приехал в его дом на улице Сен-Флорентен. Не ожидавший этого Талейран, еще не закончивший свой утренний туалет, по словам гостя, «осыпал его пудрой с головы до ног», когда обнимал его. В этом доме, на первом этаже которого разместился Александр, а на втором – сопровождавшие его дипломаты, в последующие дни были приняты судьбоносные для французской нации решения. Хозяину и его многочисленной прислуге остался чердачный этаж. Солидная репутация Талейрана, а также распространявшиеся по Парижу слухи, что Елисейский дворец заминирован, облегчили получение согласия царя остановиться в основательном частном доме, построенном в начале XVIII в. для королевского министра. Еще на первой встрече Александра с Талейраном, состоявшейся после торжественного обхода союзных армий и их монархов центральных улиц французской столицы, царь поинтересовался мнением вице-электора о будущем управлении страны⁴¹⁰.

«Вот мы и в вашем славном, прекрасном Париже, – завел разговор Александр и добавил, желая польстить собеседнику, – Вы, г-н Талейран, привели нас сюда. У нас есть три варианта: договориться с Наполеоном, установить регентство или вернуть Бурбонов». Талейран быстро исправил его: «У нас не три варианта, а всего лишь один – последний». Потом он хладнокровно ознакомил его со своей идеей не допустить узурпации, введя принцип легитимности, пугал его возможностью гражданской войны и уговаривал его не продолжать дальшие переговоры с корсиканцем. Что

⁴¹⁰ Лодей 2009: 259; Внешняя политика 1970: 790; Mémoires 2007: 428–429. Сейчас в этом здании располагается посольство США в Париже.

касается Марии-Луизы, Талейран проинформировал что все члены регентского совета, в том числе он сам. на проведенном 28 марта бурном заседании настаивали, чтобы она осталась в Париже. Единственно Жозеф. брат Наполеона, в качестве его наместника потребовал, чтобы в целях безопасности она уехала на юг. за пределы столицы. Для регентов выезд из Парижа означал потерю императрицей короны. В таком случае дискуссия о регентстве становилась бессмысленной.

Пришел момент, когда Талейрану надо было аргументировать свое предложение о реставрации династии Бурбонов, принимаемое царем не без оговорок. Талейрану пришлось напомнить, что он ни в коем случае не подразумевает восстановление феодальных прав, сословий и привилегий, как и всей абсурдной налоговой системы. По его мнению, третье сословие не могло бы допустить потерю завоеваний республики. Французы отказались бы от Наполеона, но не и от принципов 1789 г. С другой стороны, Европа, занявшая своими войсками территорию Франции, предъявляла требования разоружения страны, восстановления старых границ и получения гарантий прочности мира. В силу своей легитимности, подобные гарантии могла бы дать только династия Бурбонов, и только она смогла бы убедить победителей вывести свои войска из Франции. «С Бурбонами, – утверждал Талейран, – Франция перестанет быть несобъятной, чтобы вновь стать великой»⁴¹¹. И наконец, только Бурбоны, по его мнению, в эти дни смогли бы предотвратить возможное разделение страны⁴¹².

31 марта Талейран устроил в своем доме прием, на который были приглашены российский император Александр, король Пруссии Фридрих-Вильгельм и австрийский фельдмаршал Шварценберг, а также несколько русских дипломатов. Хозяин в очередной раз заверил их, что нация отдаст предпочтение монархии и что «Франция охотно примет Бурбонов». Они договорились об обнародовании короткой Декларации, которую от имени победителей подписал русский царь. В ней сообщалось о том, что союзники больше не будут вести переговоры с Наполеоном и членами его семьи, о созыве Сената, который должен выбрать Временное правительство, задача которого – подготовить конституцию⁴¹³. 1 апреля 1814 г. из всех 144 членов Сената собралось всего лишь 64, выбравших четырех министров монархических взглядов и Талейрана первым министром. Все они – его

⁴¹¹ Лодей 2009: 361.

⁴¹² Tulard 1985: 273; Mémoires 2007: 425.

⁴¹³ Внешняя политика 1970: 629, 790; Кастело 2010: 365. А. Кастело, эрудировавший французский историк и автор биографии Талейрана, считает, что последний использовал свое недолгое пребывание на посту главы правительства в личных целях. Он отправил доверенного слугу в имперский архив, дабы тот уничтожил все те документы, которые могли бы его скомпрометировать. Сотрудники архива не смогли предотвратить уничтожение этих документов.

единомышленники, не случайно их в шутку называли «клубом Талейрана по висту». 2 апреля Сенат проголосовал за свержение Наполеона и освободил солдат от присяги верности ему. В официальной газете „Монитор” Талейран полностью разграничился со сверженным императором и заверил французских солдат, что они ничем не обязаны Наполеону после того, как он разорил Францию и опозорил ее перед миром. «Вы больше не служите Наполеону, Сенат и Франция освобождают Вас от присяги». Временный первый министр позволил себе написать: «Он даже не является французом»⁴¹⁴. Эта публикация привела к некоторым результатам, так как в разных местах на территории Франции военные действия еще продолжались.

После ухода в Фонтенблo Наполеон потерял возможность контроля над событиями. Глубоко разочарованный изменой всех приближенных, он отправил двух маршалов Нея и Макдональда, а также Коленкура к Александру с задачей защитить интересы его сына. Маршалы и генералы уговорили Наполеона отречься в пользу своего сына и 4 апреля сообщили об этом решении русскому царю, выразившему, в свою очередь, готовность принять регенство, дабы избежать осложнения событий. В ходе разговора Александр узнал о измене Мармона, чья армия защищала подступы к Фонтенблo, и выдвинул требование о безусловного отречения, обещав, что предоставит Наполеону в пожизненное владение остров Эльбу и сохранит ему титул императора. 6 апреля Наполеон подписал этот документ, после чего сделал неуспешную попытку покончить с собой, наконец, 20 апреля трогательно попрощался с императорской гвардией и отправился к острову Эльбе⁴¹⁵.

Сенаторы поспешно подготовили конституцию, совершенно очевидно задуманную в интересах ее авторов, в том числе Талейрана. 6 апреля в Сенате было принято решение «Луи-Станисласа-Ксавье Французского» (а не Людовика XVIII) «пригласить свободно на трон», если он даст присягу соблюдать конституцию. «Следует признать, – писал Талейран, – что император Александр был поражен, когда увидел имена сенаторов, поддерживающих династию Бурбонов, так как большинство их в

⁴¹⁴ Кастело 2010: 365.

⁴¹⁵ Наполеон отправился на остров Эльба в сопровождении трех старших офицеров, которые были представителями союзников. Южная Франция была очень враждебна настроена по отношению к свергнутому императору и Наполеону пришлось надеть куртку австрийского офицера, чтобы не быть узнаваемым. Примечательно сообщение генерала Павла Шувалова, отправленного для успешного исполнения миссии, русскому царю, которое заканчивалось пророческими словами: «... этот человек (Наполеон – С. Г.) не отказался от своих проектов. Он имеет поклонников во Франции и в Италии, они будут работать на него, и он надеется, что через некоторое время французы призовут его обратно» (Внешняя политика 1970: 660–661).

свое время проголосовали за смерть Людовика XVI»⁴¹⁶. Они надеялись на толерантность и призывали к установлению конституционной монархии. Возвращение нового короля во Францию откладывалось из-за приступов подагры. 12 апреля в Париж прибыл его брат граф д'Артуа, которому Сенат предоставил титул «наместника короля». Талейран, который знал об архаизме мышления обоих братьев, в данном случае вмешался, подготовив заранее текст приветствия королевской особы парижанам. Его заключительные слова приветствия оказались приемлемыми для них и стали популярными: «Во Франции ничего не изменилось – стало на одного француза больше»⁴¹⁷.

Людовик XVIII прибыл в порт Кале 24 апреля после 23 лет эмиграции. Возволнованный, преисполненный сентиментальных чувств, он заявил: «Небо возвращает меня к моим детям. Небо возвращает мне моих детей». Потом 60-летний французский король дал волю своим симпатиям к Англии и благодарности англичанам словами: «После Бога своим возвращением на престол я обязан регенту Англии». 2 мая в местечке Сент Уэн, недалеко от Парижа, он принял маршалов Наполеона, а потом Талейрана и русского царя. В декларации, вынужденной ему Александром, новый французский король обещал Конституционную хартию, которую месяц спустя «даровал» своим подданным. 3 мая Людовик XVIII, бездетный вдовец, вступил в Париж, сопровождаемый супругой своего племянника герцога Ангулемского, дочерью казненного на гильотине старшего брата Людовика XVI, а также старым герцогом Конде и герцогом де Бурбоном.

Скудные финансы и политические события не позволили провести коронацию в Реймском соборе, как это повелевала традиция. На практике Людовик XVIII стал королем под звуки *Te Deum* (Тебя Бога хвалим), благодарственного молебна в соборе Нотр Дам и на основании того факта, что он уже спит в дворце своих предшественников. Новый король своевольно стал вести начало своего правления с 1795 г., и это совершенно лишнее тщеславие только раздражало нацию. Принцип легитимности обеспечил ему реставрацию трона, но, по сути, он оказался представителем толпы обнищавших аристократов-эмигрантов⁴¹⁸. Первые практические действия французского короля сильно разочаровали Александра, и он перестал разговаривать с Талейраном, считая его основным виновником возвращения Бурбонов к власти. Он называл их «неисправимыми», демонстративно посетил супругу Наполеона Жозефину и дал дерзкий ответ на реплику одного роялиста: «Мы уже давно ждали, Ваше Величество»: «Я

⁴¹⁶ Mémoires 2007: 429.

⁴¹⁷ Melchior-Bonnet 1987: 128.

⁴¹⁸ Дебидур 1995: 24–25; Chevallier, Conac 1991: 136–138; Tulard 1985: 271–274.

пришел бы раньше. если бы меня не задерживала храбрость солдат Вашего императора»⁴¹⁹.

Первую реставрацию Бурбонов нельзя определить ни как случайную, ни как закономерную. Она представляла собой результат серьезных ошибок, которых можно было бы избежать. Российский император хотел чтобы французы сами выбрали такой политический режим, который им подходит. Принимая 2 апреля 1814 г. делегацию сенаторов, Александр заявил: «Я – друг французского народа. Было бы справедливо и мудро дать Франции сильные и либеральные институты, соответствующие современным условиям. Союзники и я лично видим свой долг лишь в том, чтобы обеспечить свободу ваших решений»⁴²⁰. Объективно этой свободой наиболее умело воспользовался Талейран для того, чтобы вернуть на трон Бурбонов, к которым сам относился с опасениями. Ему удалось обеспечить реализацию последнего шанса Бурбонов, которым они и их единомышленники не сумели воспользоваться разумно. Во время первой встречи 29 апреля 1814 г. Людовик похвалил Талейрана, но не поблагодарил. Он был признателен, но не и Талейрану. Он не мог позволить себе быть благодарным человеку, которому не доверял. Людовик благодарил Англию⁴²¹.

Пер. С. Польшиковой

Список источников и литературы

- Борисов 1989 – Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. – М.: Международные отношения, 1989.
- Валлоттон 1991 – Валлоттон А. Александр I / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1991.
- Вандаль 1996 – Вандаль А. Наполеон и Александр I / Пер. с фр. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – Т. 4.

⁴¹⁹ Валлоттон 1991: 234; Вандаль 1996: 540–541.

⁴²⁰ Черкасов 1991: 282.

⁴²¹ «Между ними было много общего – одинаковый возраст – 60 лет, у обоих болели ноги... оба одевались, причесывались и цудрились, как подобает реликтовым представителям старого режима; у них вроде бы до революции была даже общая любовница. Самое главное, оба они обладали сардоническим чувством юмора, приводившим в смещение других смертных» (Лодой 2009: 375).

- Внешняя политика 1970 – Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Т. 7 (январь 1813 – май 1814 гг.). – М.: Политиздат, 1970.
- Дебидур 1995 – Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1878: в 2-х тт. / Пер. с фр. – Ростов-на-Дону: Феникс. 1995.
- Кастело 2010 – Кастело А. Наполеон / Пер. с фр. – М.: Центрполиграф, 2010.
- Лодей 2009 – Лодей Д. Талейран: главный министр Наполеона / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2009.
- Манфред 1978 – Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. – София: София-пресс, 1978.
- Собуль 1974 – Собуль А. Первая республика / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974.
- Черкасов 1991 – Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. – М.: Мысль, 1991.
- Ardisson 1986 – Ardisson T. Louis XX. Contre-enquête sur la monarchie. – P.: Olivier Orban, 1986.
- Auger, Garnier, Rollin 2008 – Auger A., Garnier J., Rollin V. Napoléon Bonaparte. – P.: Fayard, 2008.
- Bertaud 2009 – Bertaud J.-P., Les royalists et Napoleon 1799–1816. – P.: Flammarion, 2009.
- Bluche 1980 – Bluche F. Le Bonapartisme. Aux origines de la droite autoritaire. – P.: Nouvelles Editions Latines, 1980.
- Chevallier, Conac 1991 – Chevallier J.-J., Conac G. Histoire des institutions et des regimes politiques de la France de 1789 a nos jours. – P.: Dalloz, 1991.
- Furet 1988 – Furet F. La Revolution 1770–1880. – P.: Hachette, 1988.
- Jessenne 2011 – Jessenne J.-P. Histoire de la France, Révolution et Empire 1783–1815. – P.: Hachette Supérieur, 2011.
- Lenz 1987 – Lenz T. Legitimisme // Dictionnaire Napoléon. – P.: Fayard, 1987.
- Melchior-Bonnet 1987 – Melchior-Bonnet B. Histoire de France. Napoleon consul et empereur. – P.: Larousse, 1987.
- Mémoires 2007 – Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand. – P.: S. P. M., 2007.
- Sauvigny Berthier 1987 – Sauvigny Berthier, de. Chevaliers de la foi // Dictionnaire Napoléon. – P.: Fayard, 1987.
- Soboul 1983 – Soboul A. La France Napoléonienne. – P.: Arthaud, 1983.
- Tulard 1985 – Tulard J. Histoire de France: T. 4: Les Révolutions de 1789 a 1851. – P.: Fayard, 1985.
- Tulard, Fayard, Fierro 1987 – Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution Française 1789–1799. – P.: Robert Laffont, 1987.

Villepin 2008 – Villepin D., de. La chute de l'Empire et la solitude 1807–1814. – P.: Librairie Académique Perrin, 2008.

Svetla H. Glushkova

Sh.-M. TALLEYRAND AND BOURBON RESTORATION IN 1814

This paper analyzes the circumstances of the first restoration of the Bourbons in France. The author points out that in 1814 the Bourbons were not familiar to most French people and they are not respected by the Allies in the environment, the winners of Napoleon. In this situation, the key figure was Sh.-M. Talleyrand, who argued in theory and in practice, was able to carry out the restoration of the old dynasties. He was the only senior functionary in Paris, whom Alexander I and the Allies knew well; his position and activities have played a key role in the return of the Bourbons to the French throne.

Keywords : France; the first restoration of the Bourbons; Sh.-M. Talleyrand, Louis XVIII.

Код ВАК 07.00.03

Э. А. Замов

АЛЬЧИДЕ ДЕ ГАСПЕРИ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА

Статья посвящена становлению крупнейшего итальянского политика послевоенного времени – Альчиде де Гаспери, а именно, эволюции его взглядов в период, предшествующий установлению фашистского режима. Статья основывается на анализе речей политика, произнесенных им в рейхсрате Австро-Венгрии и палате депутатов Итальянского королевства. Автор устанавливает

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Zamov Eduard, associate professor of the Department of Oriental Studies of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620000, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-28-34. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru.